

"И только в сердце и рай, и храм"

* * *

Не бойся, любимый, с тобой ничего не случится,
лишь только случится все то, что бывает со всеми.
А жизнь все сверкает своею вязальной спицей
и вяжет сюжеты и судьбы, и лушит как семя.

С тобой ничего, кроме жизни и смерти, не будет
и это не так уж и страшно, поверь мне, любимый.
Судьба — это четки из праздников, горя и буден,
из моря и лета, из осени горького дыма.

Живи и смотри до конца эту жесткую драму,
где, как ни крути, все на месте и все справедливо.
Где утро свежо и прохладно и машет ветвями,
и зреют картофель и лук, абрикосы и сливы.

Ты выпей до дна эту чашу с вином и отравой,
будь ближе к земле — это даст и здоровье и силы.
Ты лишь береги свое сердце, ты слышишь, мой милый?
Покуда тебя берегут эти лозы и травы...

* * *

Тот день наполнен медом был до дна —
осенним медом — светлым и тягучим.
Жара ушла — иные письма
писал сентябрь на всей листве летучей.

В тот день хотелось книги перечесть
забытые, не вспоминать ошибок.
Разлюбленных, обидевших не счесть —
все были прощены, а день был зыбок.

Он легким был и теплым, как волна,
нагретая у берега, как сено.

Мы все омыты были им сполна,
исцелены мы были постепенно.

И сохло быстро чистое белье,
и развевались простыни, как флаги
неведомой страны, когда в нее вошли
мы без насилья и отваги.

* * *

Когда судьбы взгляд и зол и лих,
когда тревога бьет через край,
живые держатся за живых
и только так обретают рай.

Непрочный рай, невесомый рай
земной, что миг лишь один — и нет.
Но есть вино и есть вечера
налитых солнцем степным бесед.

И отблеск рая тогда на всем —
на ветках вишен цветущих, на
бокале с пойманным лепестком,
на смехе добром, где боль слышна.

Но вот отшельник, и рай другой
ему известен, он там — Адам.
Пространство степи — его покой,
и только в сердце и рай, и храм.

Эвридика

Ария Тòски в подземном звучит переходе,
Тòска поет с затаенной надрывной тоскою.
Тòска подземная в плащике не по погоде,
с бледным лицом, что попудрено смертным покоем.

Мечется голос — надтреснутый, жалкий, зовущий,
голых красоток и лики святых омывая...
Мечется и рассыпается пуше и пуше
под грохотанье летящего к морю трамвая.

Песнь Эвридики затем в этом царстве Аида...
Вот и Орфей, а быть может, Харон — я не знаю.
Выручку он заберет, он зовет ее Лида,
вот он выводит ее, вот поверхность земная.

Вот он идет и на тень ее не оглянется —
все как всегда: и спокойно, и тошно, и дико.
Только галерка случайным хлопком отзовется,
только останется: Тòска, тоска... Эвридика.

* * *

Мы были вместе в веке том, прошлом.
То было в Кракове и был ноябрь теплый.
Мы шли по Гродской, говоря сложно
И просто, отражали нас стекла.

Мы жареный картофель там ели,
Что называют "фритки", сок пили.
Над главной площадью вздымались метели
Из голубей, и облака плыли.

В костеле каждый час Мариатском
Трубач трубил светло и так чисто.
И пани мим в костюме дурачком
Кривлялась рядом, но казалась артисткой.

Тысячелетье третье на сцене —
Ты в Кракове, в Одессе я жаркой.
Но море Черное в моих шумит венах
И выжить хочется мне так жадно!

Не спросишь ты, как я живу, — знаю,
Но я скажу: я все же живая!

И. Павлову

По старой Одессе гуляем уж час или два,
Друг другу даря разогретые солнцем слова,
Прибило друг к другу нас как-то прибоем весны,
Мы две одинокие лодки и ныне дружны.

Король седовласый в ботинках, разбитых как жизнь,
Ты полон рассказов живых, как и ты. Так держись!
Придавят поэта к земле только камни утрат —
Мы всюду чужие, мы всюду свои, нет преград

Меж нами и миром и все открывает нам суть,
И тот не один, кто увидел свой истинный путь.
На этом пути много божьих неожиданных даров,
И светится вязь на газете набросанных слов.

